

Материалы XII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» В 4-х томах. Том 2 // Актуальные проблемы юридической науки. В 2-х частях. Часть 1. - Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2015. - 262 с.

16-17 апреля 2015 года в Волжском университете им. В.Н. Татищева г. Тольятти состоялась XII Международная научно-практическая конференция «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики».

В настоящем издании публикуются выступления участников конференции.

Материалы представлены в авторской редакции.

Ответственные редакторы: доктор юридических наук, профессор Якушин В.А.;
Галеева Г.Р.

ISBN 978-5-94510-117-3 (т. 2)
ISBN 978-5-94510-120-3 (ч. 1)
ISBN 978-5-94510-115-9

© Волжский университет
им. В.Н. Татищева, 2015

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

СУЩНОСТЬ НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОМИЛОВАНИЯ КАК ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

*Баскакова В.Е., к.ю.н., доцент кафедры
уголовного права и процесса*

Марийский государственный университет

г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: baskakova-vasili@mail.ru

Швецов Н.М., д.п.н., к.э.н., профессор

Марийский государственный университет

г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: baskakova-vasili@mail.ru

Проблемы правового регулирования помилования в любой стране сложны и многоплановы. Россия постоянно совершенствует свои правовые институты, в том числе и институт помилования.

При всем разнообразии имеющихся позиций нас интересуют в первую очередь те признаки помилования, которые могут быть положены в основу сущности и нормативного определения помилования как правового института права.

В последние годы ни один правовой институт в России, пожалуй, не привлекал столько внимания общества, как институт помилования.

Как известно, современное развитие государственности характеризуется широким закреплением в законодательстве личных прав и свобод человека и гражданина. Одним из таких прав считается право осуждённого на обращение с просьбой о помиловании. Реализация этого права является составной частью государственно-правовой политики цивилизованного мира. В связи с этим в конституциях современных государств находит закрепление право осуждённого просить о помиловании и полномочие органов государственной власти по его осуществлению.

Российское право основывается на принципах справедливости, законности и гуманизма. Следовательно, оно допускает возможность освобождения лиц, осужденных за совершение преступлений, от отбывания наказания по различным основаниям. Этим и объясняется особое место, занимаемое институтом помилования.

Помилование закреплено в Конституции Российской Федерации¹, УК РФ², УИК РФ. В ч. 3 ст. 50 Конституции записано: «Каждый осуж-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс, 2014.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УЧАСТНИКИ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ

Клюкова М.Е., к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия, dkme@mail.ru*

Вопрос об участниках уголовного судопроизводства был и остается в науке уголовного процесса одним из наиболее обсуждаемых в силу того, что он по сей день не нашел в действующем законодательстве логичного и последовательного разрешения. И как совершенно справедливо подчеркивается отдельными авторами, реформирование уголовного судопроизводства в настоящее время обусловлено «необходимостью создания законодательных гарантий для реального обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, а также для обеспечения возможности достижения назначения уголовного судопроизводства в целом».¹

Прежде всего, представляется не вполне удачным и достаточным в свете рассматриваемой проблемы определение участников уголовного процесса, содержащееся в УПК РФ, согласно которому последние понимаются как лица, принимающие участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ). При раскрытии содержательной стороны понятия участников уголовного процесса, безусловно, определяющим (первичным) должно быть указание на наличие у них определенных процессуальных прав и обязанностей, которые и обуславливают возможность их участия в уголовно-процессуальной деятельности. Нечеткость определения данной категории влечет непоследовательность в наделении законодателем процессуальным статусом отдельных фигурантов по делу, и, как следствие, – несоблюдение прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальную деятельность.

Одной из проблем является то, что не все лица, так или иначе вовлекаемые в уголовно-процессуальную деятельность, названы в УПК РФ в числе участников уголовного судопроизводства и, более того, наделены в соответствии с этим процессуальными правами и обязанностями, на что не раз обращалось внимание в юридической литературе.

Представляется, что сложившаяся ситуация недопустима и проблема ее законодательной регламентации должна быть устранена путем предания всем лицам, реально участвующим в той или иной форме в уголовно-процессуальной деятельности четко определенного законного процессуального статуса.

¹ Гайдышева, М.Г., Воскобойник, И.О. Актуальные проблемы реализации некоторых новых положений УПК РФ в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 2. – С. 14.

Особую остроту данная проблема приобретает на этапе возбуждения уголовного дела, когда решение о возбуждении производства по делу еще не принято, но круг участников, пусть и минимальный, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, уже сложился. Прежде всего речь идет о прокуроре, руководителе следственного органа, следователе, дознавателе, органе дознания, а также о таких процессуальных фигурах как понятые, эксперт, специалист, переводчик – в случае производства в порядке исключения следственных действий до возбуждения уголовного дела.¹ Эти органы и лица прямо названы законодателем в числе участников уголовного судопроизводства (см. гл. 2 УПК РФ) и их правовое положение уголовно-процессуальным законом достаточно четко закреплено. Вместе с тем законодатель крайне неудачно определяет круг участников данной стадии, оставляя без должного внимания и правовой регламентации процессуальный статус лиц, фактически вовлекаемых в уголовно-процессуальную деятельность на этапе возбуждения уголовного дела, но так и не введенных в круг участников уголовного судопроизводства. Так, в ходе проверки сообщения о преступлении должностное лицо взаимодействует и с лицами, у которых могут быть взяты объяснения, получены образцы для сравнительного исследования, истребованы документы и предметы и т.п. Иными словами, речь идет о заявителе о преступлении, лице, у которого получают объяснение (будь то пострадавший, очевидец происшедшего, либо лицо, обладающее иными сведениями, имеющими значение по делу и т. д.), лице, явившемся с повинной и др.

Данная проблема не единожды становилась предметом обсуждения в юридической литературе. Так, рядом авторов вполне обоснованно высказывалась обеспокоенность неурегулированностью процессуального статуса таких участников доследственной проверки (стадии возбуждения уголовного дела) как очевидец, пострадавший, правонарушитель, в связи с чем вносилось вполне обоснованное предложение сформулировать их понятие, а также перечень их прав и обязанностей.²

В юридической литературе, к примеру, вполне справедливо неоднократно подчеркивалось, что в УПК РФ отсутствует закрепление правового статуса заявителя как участника уголовного судопроизводства. При этом отмечалось, что вступая в уголовно-процессуальные отношения в стадии возбуждения уголовного дела, заявитель приобретает статус участника уголовного судопроизводства. Однако во втором разделе

¹ В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ до возбуждения уголовного дела возможно производство таких следственных действий как назначение и производство экспертизы, осмотр места происшествия, предметов, документов, трупов, освидетельствование.

² См. Удовыденко И.В. Процессуальные способы проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 209 с.

УПК РФ такого участника нет. Вместе с тем в ряде норм УПК РФ нашли отражение отдельные процессуальные права заявителя (см., к примеру, ч. 1 ст. 144 УПК РФ; ч. 4 ст. 144 УПК РФ; ст. ст. 145-148 УПК РФ; ст. 123 УПК РФ).¹ Кроме того, заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ч. 4 ст. 140 УПК РФ). Как видим, назрела необходимость назвать заявителя в числе участников уголовного судопроизводства и четко определить его процессуальный статус. Сказанное в полной мере можно отнести и к остальным участвующим на данном этапе лицам, чей процессуальный статус на законодательном уровне не урегулирован.

Не вполне удачно законодатель попытался решить данную проблему путем внесения изменений в УПК РФ Федеральным законом от 04.03.2013 №23-ФЗ¹, в соответствии с которыми в уголовно-процессуальном законе появилось упоминание о лицах, участвующих в производстве процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела (при проверке сообщения о преступлении). По замыслу законодателя, как представляется, рассматриваемый термин должен был восполнить пробел в законодательной регламентации правового положения лиц, участвующих в так называемой досудебной проверке сообщения о преступлении, тем самым гарантируя их права и законные интересы.

Статья 144 УПК РФ была дополнена частью 1.1, которая, исходя из положений принципа охраны прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ч.1 ст.11 УПК РФ) обязала органы, осуществляющие проверку сообщения о преступлении, разъяснять лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ.² И как справедливо отмечается в литературе, возникает еще один существенный вопрос: какие именно права и обязанности нужно разъяснять участникам процессуальных действий, помимо перечисленных в самой ч. 1.1 ст. 144 УПК? И при этом справедливо высказывается озабоченность, что ответ на этот вопрос правоприменителям придется искать самостоятельно в каждом конкретном случае.³

Правовая неопределенность норм, регламентирующих данное новое правовое явление, прежде всего, заключается в том, что у законодателя

¹ См.: Медведева В.В. Правовое положение заявителя на этапе приема и разрешения заявления и сообщения о преступлении // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 3. – С. 102-103.

² См. Гайдышева М.Г., Воскобойник И.О. Актуальные проблемы реализации некоторых новых положений УПК РФ в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 2. – С. 17.

³ Махмутов, М.В. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. – 2013. – № 7. – С. 39-43.

нет единообразного понимания названных фигур, и как следствие этого, вопреки ожиданиям, он не конкретизирует их круг, и более того, упоминает их в различных аспектах. В одном случае речь идет о лицах, «участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», в другом – данный круг лиц обозначен как «участники проверки сообщения о преступлении» и в третьем - «как участники досудебного производства». Если буквально толковать содержание предложенных понятий, то становится очевидным, что хотя они и определяют одно и то же правовое явление, тем не менее не совпадают по содержанию, а следовательно употреблять их как равнозначные неправомерно.

Представляется, что наиболее правильно и логично вести речь о лицах, которые участвуют в производстве **процессуальных действий** при проверке сообщения о преступлении. Иной контекст рассматриваемого понятия, предложенный законодателем, слишком широко трактует данный круг лиц, в силу чего два других употребляемых понятия представляются некорректным, т. к. искажают роль лиц, о которых идет речь в рассматриваемой норме.

Так, говоря об «участниках проверки сообщения о преступлении», законодатель почему-то уже не делает акцент только на процессуальной деятельности, как в первом случае, из чего можно сделать вывод, что речь может идти и об оперативно-розыскной деятельности, путем осуществления которой также производится проверка сообщения о преступлении, и лицах, в нее вовлеченных, что не соответствует назначению рассматриваемой категории лиц и не согласуется с ранее приведенным определением.

Понятие же «участники досудебного производства» охватывает как стадию возбуждения уголовного дела, так и стадию предварительного расследования, которые и составляют досудебное производство, что, безусловно, также является неприемлемым для рассматриваемого этапа досудебной проверки.

Следствием неурегулированности данного вопроса в уголовно-процессуальном законе явилось различное его понимание в юридической литературе. Отдельными авторами также обращается внимание на то обстоятельство, что законодатель, указывая, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, не конкретизировал круг этих лиц.¹ При этом высказывается мнение, что имеются в виду лица, которые заявлены в разделе втором УПК РФ. С этим вряд ли можно согласиться, т.к. упомянутый раздел посвящен всем участникам уголовного судопроизводства, большая часть которых появляется лишь

¹ Майоров, В.И. К вопросу о порядке рассмотрения сообщения о преступлении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 33.

на стадии предварительного расследования, за исключением, как уже указывалось, соответствующих должностных лиц и компетентных органов, специалиста, эксперта, переводчика, которые могут фигурировать в последственной проверке, как отмечалось выше, если в порядке исключения до возбуждения уголовного дела производились следственные действия (см. ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). При этом называют и подозреваемого, который, по их мнению, может появиться в случае задержания лица по подозрению в совершении преступления либо уведомления о подозрении в совершении преступления, что также вызывает возражения. Подозреваемый как процессуальная фигура также может появиться только на стадии предварительного расследования, т.к. процессуальное задержание подозреваемого, в отличие от фактического задержания, также возможно только в рамках возбужденного уголовного дела.

Кого же понимает законодатель под лицами, участвующими в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении? Как соотносится данная категория с понятием «участники уголовного судопроизводства»? В разделе втором УПК РФ, где закреплён перечень всех участников уголовного судопроизводства, по сей день отсутствует упоминание о лицах, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, из чего следует, что законодатель не признал их полноценными участниками уголовного процесса.

Вместе с тем мы уже выяснили, что в числе лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела, имеются те, чей статус уголовно-процессуальным законом определен, и те, кто вообще не упоминается в числе участников уголовного судопроизводства, в связи с чем не наделяются определенными процессуальными правами и обязанностями либо наделяются в недостаточном объеме. Если мы обратимся к анализу прав, упомянутых в п. 1 ч. 1 ст. 144 УПК и которые надлежит разъяснять участникам последственной проверки (к примеру, не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката и др.), то можно сделать вывод, что комментируемая норма адресована все-таки тем участникам стадии возбуждения уголовного дела, чей статус еще не может быть легализован до принятия решения о возбуждении уголовного дела (к примеру, пострадавший (но еще не потерпевший), очевидец (но еще не свидетель) и т.п.) и кого законодатель определил как лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

Особого разговора заслуживает лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, который, как представляется, также входит в круг лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Обращает на

себя внимание то обстоятельство, что упоминание о нем мы неожиданно встречаем в ст. 49 УПК РФ, определяющей момент вступления в процесс защитника, в соответствии с пунктом шестым и частью третьей которой последний может участвовать в уголовном деле также с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Коль скоро речь идет об участии защитника (а не адвоката), а значит о реализации права на защиту, следовательно законодатель вполне справедливо расценивает лицо, в отношении которого начата упомянутая проверка, как лицо, преследуемое в уголовном порядке и в силу этого наделенное правом на защиту. Данное положение полностью отвечает позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 27.06.2000 №11-П2, что конституционное право на получение юридической помощи лица должно быть обеспечено вне зависимости от того, что нуждающееся в юридической помощи не признано подозреваемым, но фактически в отношении него осуществляются мероприятия уголовного преследования.

Буквальное толкование анализируемой нормы УПК РФ позволяет сделать вывод, что для появления у лица права на защиту, в частности, иметь защитника, возникает с момента производства в отношении него каких-либо процессуальных действий с целью проверки его причастности к преступлению. Возникает вопрос: как данное лицо догадается о начатой в отношении него проверке и как определить момент вступления защитника в процесс?

Если лицо уже вызвано для дачи объяснений или начаты иные в отношении него действия, он уже должен быть обеспечен защитником. Проблематично связывать момент вступления защитника в процесс с его лишь фактическим положением. Представляется, что есть смысл в этом случае предусмотреть уведомительный порядок о начатой проверке в отношении лица по аналогии с уведомлением о подозрении. В связи с этим представляется необходимым дополнить ст. 46 УПК РФ еще одним основанием для возникновения процессуальной фигуры подозреваемого: уведомление лица о начатой в отношении него проверке сообщения о преступлении, что позволит ему с этого момента приобрести и начать реализовывать право на защиту, включая право иметь защитника. В противном случае следует ограничиться упоминанием о праве рассматриваемого лица пользоваться услугами адвоката, как это сделано в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ.

В связи с этим законодателю надлежит конкретизировать круг лиц, участвующих в так называемой последственной проверке и индивидуализировать правовой статус каждого из предполагаемого ее участника в отдельности. Кроме того, есть смысл дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом, содержащим определение лиц, участвующих в производстве процессу-

альных действий при проверке сообщения о преступлении, т. к. от этого зависит понимание их правового статуса, а следовательно – обеспечение их прав и законных интересов в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Библиографический список

1. Гайдышева, М.Г., Воскобойник, И.О. Актуальные проблемы реализации некоторых новых положений УПК РФ в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 2. – С. 14-18.
2. Майоров, В.И. К вопросу о порядке рассмотрения сообщения о преступлении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 31-33.
3. Махмутов, М.В. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. – 2013. – № 7. – С. 39-43.
4. Медведева, В.В. Правовое положение заявителя на этапе приема и разрешения заявления и сообщения о преступлении // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 3. – С. 102-105.
5. Удовыдченко, И.В. Процессуальные способы проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 209 с.

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 3 СТ. 327 УК РФ

Лукьянова А.А., аспирантка

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия, lukyanova.ana@gmail.com*

Ч. 3 ст. 327 УК РФ закрепляет самостоятельный состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за использование заведомо подложного документа. Данная законодательная формулировка породила ряд вопросов, связанных с определением круга документов, которые могут быть признаны предметами данного преступления. Прежде всего, необходимо отметить, что в ч. 3 ст. 327 УК РФ содержится иная трактовка предмета преступления – в ч. 1 ст. 327 УК РФ закреплена уголовная ответственность за неправомерные деяния с поддельными документами, в то время как в ч. 3 ст. 327 УК РФ предмет преступления определен через термин «подложный».

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель различает данные понятия. Особенно отчетливо данное обстоятельство проявилась в 2008 г., вследствие включения в диспозицию ст. 326 УК РФ, предусматривающей ответственность за подделку или уничтожение иденти-

фикационного номера транспортного средства, еще одного альтернативного деяния – использования заведомо поддельного или подложного государственного знака в целях совершения преступления либо облегчения его совершения или сокрытия. При этом законодатель не посчитал нужным закрепить в нормах уголовного закона четкие критерии разграничения данных понятий.

В уголовно-правовой литературе отсутствует единство мнений относительно понимания подложного документа. Ряд авторов рассматривает понятия «поддельный документ» и «подложный документ» в качестве синонимов¹. В некоторых работах понятие «подложный документ» рассматривается в качестве родового, объединяющего в себе несколько разновидностей документов. Так, Л.М. Исаева придерживается мнения, что на основе такого критерия, как принцип изменения информации в документе, подложные документы разделяются на собственно поддельные документы, на «фальсифицированные» документы, а также на действительные документы, утратившие юридическую силу. Очевидно, в данном случае автор распространяет признак подложности как на случаи материального и интеллектуального подлога документов, так и на документы подлинные, не подвергавшиеся подделке². Б.И. Пинхасов предлагает рассматривать в качестве предмета рассматриваемого преступления и документ, который не подвергался подделке, но содержащий не соответствующие действительности сведения, внесенные туда вследствие ошибки³.

Одной из проблем, вытекающих вследствие неопределенной формулировки предмета преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, является решение вопроса о том, являются ли предметами рассматриваемого преступления исключительно официальные документы, или же в качестве подложных могут быть признаны и другие разновидности документов.

В соответствии с первой точкой зрения, в качестве предмета преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, может выступать только официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей. Подобное понимание подложного документа связано прежде всего с законодательной формулировкой предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ (в качестве которого выступают удостоверение или иной официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей), логическим «продолжением» которого выступает состав преступления, предусматрива-

¹ См., например: Калешина О.И. Поддельный документ как предмет и средство совершения преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 94.

² Исаева, Л. Подложные документы: понятие и некоторые особенности выявления // Юридический консультант. 2002. № 7. С. 15.

³ Пинхасов, Б.И. Защита документов по советскому праву. Ташкент, 1976. С. 73.